

Между Толстым и Карлейлем

Причиной краха коммунизма были неумолимые силы истории, но когда и как он произойдет, определили людские поступки | **МАЙКЛ ДОББС**

Оказавшись в числе немногочисленных иностранных журналистов, которым довелось освещать крах коммунизма и распад СССР, я понимал, что участвую в составлении «черновика истории». Нашей задачей было не просто сообщать об этих драматических событиях, но и, сколько возможно, разобраться в них, постичь их внутреннюю логику. За два десятилетия, прошедшие с тех пор, как над Кремлем было окончательно спущено красное знамя, я часто задавался вопросом о том, почему рухнул коммунизм — не как он рухнул, а именно почему. Был ли крах неминуем или его можно было избежать? Что стало причиной развала советской сверхдержавы — непреодолимые силы истории или действия и решения обычных людей?

В то время мы много говорили об этом с моим коллегой по московскому бюро газеты «Вашингтон пост» Дэвидом Ремником — в недолгих перерывах между репортажами об очередном конфликте между Горбачёвым и Ельциным, об армянском землетрясении или о массовом неповиновении народов Балтии. Из наших репортажей, напечатанных тогда же в газете, и из наших двух книг, которые были опубликованы впоследствии — моей *Down with Big Brother* («Долой Большого брата!») и книги Ремника *Lenin's Tomb* («Мавзолей Ленина»), — сразу видно, что у нас с Дэвидом разный взгляд на историю. Я сам как человек, получивший степень по экономике, в основном искал

экономические, системные объяснения происходящего, а Дэвид, который посвятил университетские годы сравнительному изучению литературы, создавал яркие портреты тех, кто находился в самом центре событий — Михаила Горбачёва, Бориса Ельцина, Андрея Сахарова. Пытаясь глубже понять революцию, совершавшуюся на наших глазах, я несколько раз съездил в Западную Сибирь, чтобы рассказать о кризисе в советской нефтяной промышленности. А Дэвид тем временем отправился на Северный Кавказ, чтобы взять интервью у друзей детства Горбачёва и досконально разобраться в том, что же представляет собой человек, начавший в СССР перестройку и гласность. Я написал много статей о том, во что обошлось содержание огромной советской империи, об «имперском бремени». Дэвид проводил долгие часы в беседах с основателями «Мемориала», наблюдая за тем, как шаг за шагом, благодаря их усилиям, продвигается процесс, который он назвал «возвращением истории».

Предельно — и конечно, чрезмерно — упрощая, можно сказать, что Дэвид склонен придавать большое значение «роли личности в истории». Хотя он, конечно, не готов пойти вслед за шотландским историком XIX века Томасом Карлейлем, который писал, что «мировая история — это всего лишь биографии великих людей», но все-таки масштаб личности таких фигур, как Горбачёв, Ельцин

и Сахаров, производил на него сильное впечатление. В отличие от него, я скорее склонялся к толстовскому взгляду на историю. В романе «Война и мир» Толстой противопоставляет «великого человека» Наполеона скромному генералу Кутузову: Наполеон уверен, что, вторгнувшись в Россию, он изменит ход истории, а Кутузов понимает, что он всего лишь пешка в игре больших исторических сил. Наполеон иступленно мечется, отдавая своим сподвижникам жесткие приказы в духе инструкций Политбюро, а Кутузов мирно спит в своей палатке, полагаясь на естественный ход событий. Окончательный итог предопределен: Наполеон отступает, его *Grande Armée* приходит конец.

Я не хочу преувеличивать наши разногласия — конечно, у нас не было радикального различия во взглядах, просто каждый из нас по-своему расставлял акценты. Мы оба понимали, что история слишком сложна и ее ход не может определяться действием какого-то одного механизма. В разные времена и в разных обстоятельствах действует множество разных факторов. А потому, пытаясь объяснить ту поразительную череду событий, которая в итоге привела к краху первого в мире коммунистического государства, мы должны учитывать как несостоятельность экономики и подъем национализма в нерусских республиках, так и надежды и конкретные действия влиятельных лиц. Кроме того, разбираясь во всем этом, историк все время вынужден иметь дело с проблемой курицы и яйца. Было бы неверно думать, будто такие фигуры, как Горбачёв и Сахаров, явились ниоткуда, уже вполне сложившимися людьми. Каждый из них был продуктом своего времени. Их взгляды, их личности формировались под влиянием исторического опыта, в частности, памяти о сталинском терроре и о провале хрущёвской оттепели. Горбачёв начал проводить реформы, потому что не мог отрицать очевидное: советский комму-

низм не выполнил свое главное обещание и не обеспечил лучшую жизнь миллионам советских граждан. Еще до того, как Горбачёв стал Генеральным секретарем, он поддерживал своего коллегу Эдуарда Шеварднадзе, который заявил, что в Советском Союзе «все прогнило». «Так жить нельзя», — говорил Шеварднадзе Горбачёву.

Два поворотных момента в истории холодной войны

Тем не менее, я думаю, что противопоставление концепции «великих людей» толстовскому взгляду на историю помогает разобраться в причинах окончательного распада коммунистической сверхдержавы. Прежде чем анализировать обстоятельства окончания холодной войны, я хотел бы кратко остановиться на двух других поворотных моментах истории: зарождении холодной войны в 1945 году и ее пике — Карибском кризисе в октябре 1962 года. Я изучал оба эти эпизода как журналист, ставший историком. Историю Карибского кризиса я рассказал в своей книге *One Minute to Midnight: Kennedy, Khrushchev and Castro on the Brink of Nuclear War* [«Одна минута до полуночи: Кеннеди, Хрущёв и Кастро на грани ядерной войны»]. Моя следующая книга будет посвящена шести месяцам, отделяющим Ялтинскую конференцию от Потсдамской, и распаду военного альянса, который произошел в тот момент, когда американцы и русские впервые столкнулись лицом к лицу.

Исследуя ранний период холодной войны, я был поражен тем, что главные действующие лица (Сталин, Рузвельт, Трумэн, Черчилль), как выясняется, вовсе не хотели такого развития событий. Хотя Сталин считал, что в конечном счете столкновение между силами коммунизма и империализма неминуемо, он стремился избежать нового конфликта, чтобы Советский Союз мог прийти в себя после Великой Отечественной

войны. Он считал, что период мирного сосуществования с идеологическим врагом возможен и желателен. И Трумэн, что бы ни утверждали американские историки-ревизионисты, намеревался следовать заветам Рузвельта, который мечтал создать «справедливый и прочный мир», предполагавший, в частности, мирные отношения с СССР. Даже Черчилль был склонен доверять Сталину, хотя и опасался «темных сил», действующих за спиной советского лидера. И тем не менее холодная война была развязана — вопреки надеждам и намерениям самых

Америка и Россия, две великие державы, исповедующие столь разные идеологические принципы, неизбежно должны были оказаться в состоянии конфликта — как только сферы их интересов пересеклись и они вступили в непосредственный контакт. Пока две великих нации, как назвал их де Токвиль, сражались с нацистской Германией, у них был резон для сохранения альянса и сглаживания разногласий. Но как только общий враг был повержен, политические и идеологические интересы СССР и США резко разошлись. Логика событий часто лучше видна со сто-

“За четыре десятилетия до распада Советского Союза американский дипломат **Джордж Кеннан** изложил различные сценарии свержения или смягчения советской власти”.

влиятельных людей того времени. Почему же это произошло?

Краткий ответ таков: это действие неумолимых сил истории, которые Алексис де Токвиль описал более ста лет назад в своем классическом труде «Демократия в Америке». Назвав Америку и Россию новыми «великими нациями», де Токвиль отметил, что они воплощают в себе две разных идеологии и философии, отчего в будущем между ними возникнет соперничество. «В Америке для достижения целей полагаются на личный интерес и дают полный простор силе и разуму человека. Что касается России, то можно сказать, что там вся сила общества сосредоточена в руках одного человека. В Америке в основе деятельности лежит свобода, в России — рабство. У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира»¹.

Предсказание де Токвиля сбылось сразу после Второй мировой войны. Другими словами, холодная война возникла не по воле Сталина или Трумэна, но «по воле небес».

роны, нежели изнутри — непосредственным участникам событий. Адольф Гитлер с его извращенным взглядом на силы истории иной раз проявлял недюжинную проницательность, в частности, когда заявил, что после разгрома Третьего рейха останутся «только две великие державы, способные противостоять друг другу: Соединенные Штаты и Советская Россия». Далее он прогнозировал, что «законы и истории, и географии заставят эти две державы помериться силой, либо военной, либо в сфере экономики и идеологии».

Перенесемся на семнадцать лет вперед, к Карибскому кризису — наивысшей точке «пробы сил», предсказанной Гитлером. Обладание атомной бомбой радикально изменило динамику конфликта между Россией и Америкой. Ни одна из сторон не осмелилась использовать против другой это оружие, опасаясь разрушительного возмездия, которое привело бы к гибели миллионов ее граждан. В то же время каждая из сторон стремилась обрести тактическое преимущество, для чего постоянно прощупывала другую и проверяла

ее возможности. Кеннеди и Хрущёв обнаружили, что они балансируют на грани войны. Если два водителя мчат навстречу друг другу, у кого из них нервы сдадут раньше и заставят его свернуть с пути? С учетом природы нового оружия и глубины идеологических расхождений между коммунизмом и капитализмом, ядерная конфронтация в той или иной форме, вероятно, была неизбежна. Но ход развития кризиса в большой мере зависел от личностей и жизненного опыта его участников, в первую очередь политических лидеров — Кеннеди и Хрущёва.

Мои исследования Карибского кризиса (как называли его советские историки, в Америке он называется *Cuban missile crisis*) заставили меня пересмотреть мой толстовский взгляд на историю. Результат этого кризиса не был предопределен. Если бы высшие должности в Белом доме и в Кремле тогда занимали другие люди, кризиса вообще могло не быть, по крайней мере кризиса в связи с Кубой (проба сил могла произойти в другой геополитической горячей точке, например в Берлине). Решение о размещении советских ядерных ракет на Кубе было личным решением Хрущёва — оно стало ответом на неудавшееся вторжение в Заливе Свиней (Плайя Хирон), после которого Хрущёв окончательно убедился, что Кеннеди поставил себе целью свергнуть Кастро всеми правдами и неправдами. Поставив мир на грань ядерной войны, оба лидера в течение невероятно напряженных тринадцати дней пытались овладеть той самой силой исторического хаоса, которой они же позволили вырваться наружу. И снова ключевую роль сыграли решения, принятые конкретными личностями на самом высоком уровне. Вполне можно представить себе альтернативные сценарии, которые могли бы привести к ядерной войне. Кеннеди не знал, что советские войска на Кубе были вооружены тактическим ядерным оружием, нацеленным

на потенциальные плацдармы для высадки американского десанта и базу ВМС США в Гуантанамо. Это оружие находилось под непосредственным, физическим контролем советских капитанов и майоров: не было специальных устройств или кодов, позволяющих блокировать его применение. Если бы Кеннеди последовал советам своих генералов и напал на Кубу, то вполне возможно, что оборонявшие ее советские военные использовали бы ядерное оружие для самозащиты. Ограниченный обмен ядерными ударами на Кубе мог бы очень быстро перерасти в глобальную ядерную войну. Даже после того, как в середине октября Кеннеди запретил нанесение первого удара, он был близок к тому, чтобы разрешить воздушные удары по Кубе 30 октября, за которыми спустя неделю должно было последовать полномасштабное вторжение. События могли бы также выйти из-под контроля, если бы 28 октября Хрущёв не положил конец кризису, объявив о выводе советских ракет.

Попытки разглядеть, что кроется за фасадом российской автократии

Теперь перенесемся еще на четверть века вперед — к агонии советского коммунизма. Часто приходится слышать, что никто не предсказывал распад Советского Союза, но это не совсем так. За четыре десятилетия до этих событий американский дипломат Джордж Кеннан изложил различные сценарии свержения или смягчения советской власти в серии депеш и отчетов, в частности в анонимной «статье мистера X», опубликованной в американском журнале *Foreign Affairs* в июле 1947-го². (Эта статья приобрела известность в первую очередь в связи с тем, что в ней впервые был употреблен термин «сдерживание», который сразу завоевал популярность и определил американскую внешнюю политику для целого поколения.) Вот некоторые выдержки из этой пророческой статьи, точно указавшей на

структурные недостатки советской системы, которые в итоге привели ее к краху.

- Стремление к абсолютной власти, реализуемое вот уже почти три десятилетия с беспрецедентной для нашего времени жесткостью (по крайней мере, по масштабу), в очередной раз вызывает соответствующую реакцию и внутри страны, и за ее пределами. Бесчинства репрессивного аппарата превращают потенциальную оппозицию режиму в нечто гораздо более масштабное и опасное по сравнению с тем, чего можно было ожидать до начала этих эксцессов.

- Экономическое развитие Советов, несмотря на ряд впечатляющих достижений, неоднородно и неравномерно, что создает угрозу устойчивости режима... В целых секторах экономики пока не удалось привить трудящимся ничего похожего на общую культуру производства и профессионального самоуважения, которые характерны для квалифицированных рабочих на Западе. И трудно понять, как эти недостатки можно исправить в короткий срок, притом что люди измождены и подавлены и работают в основном из страха или по принуждению.

- Всегда существует возможность того, что следующая передача неограниченной власти произойдет тихо и незаметно, без каких-либо пертурбаций. Но в то же время не исключено, что связанные с этим проблемы приведут, говоря словами Ленина, к одному из тех «необычайно быстрых переходов» от «тонкого обмана» к «разнузданному насилию», которые не раз случались в российской истории, и это подорвет самые основы советской власти.

- Если в коммунистической партии произойдет раскол, который парализует ее действия, то хаос и беспомощность российского общества обнаружатся в формах, не поддающихся описанию. Ибо, как мы уже видели, советская власть — это лишь

оболочка, скрывающая аморфную человеческую массу, которой отказано в праве на создание независимых организационных структур... Поэтому, если произойдет нечто такое, что нарушит единство и эффективность партии как политического инструмента, Советская Россия может мгновенно превратиться из одного из сильнейших в мире в одно из самых слабых и жалких национальных сообществ.

- У Соединенных Штатов достаточно сил, чтобы создать огромные трудности на пути реализации советской политики и заставить Кремль действовать гораздо более умеренно и осмотрительно, чем он считал нужным в предшествующие годы. Таким образом, Америка может содействовать тем тенденциям, которые в конечном счете должны вызвать либо крах, либо постепенное смягчение советской власти.

- Разумеется, Кеннан был не первым зарубежным аналитиком, обнаружившим трещины за потемкинским фасадом российской автократии. Наблюдения маркиза де Кюстина, посетившего Россию в 1839 году, справедливы не только в отношении России Николая II — в них вполне можно узнать Россию Сталина и Брежнева:

- «Народы немотствуют лишь до поры до времени. Рано или поздно они обретают язык, и начинаются яростные споры. Тогда подвергаются обсуждению все политические и религиозные вопросы. Настанет день, когда печать молчания будет сорвана с уст этого народа, и изумленному миру покажется, что наступило второе вавилонское столпотворение. <...>

- У народов, управляемых такими методами, страсти долго бурлят, прежде чем вспыхнуть. Опасность приближается с каждым часом, но кризис запаздывает, зло кажется бесконечным. Наши внуки, быть может, еще не увидят взрыва. Однако уже сегодня можно предсказать его неизбежность, не пытаясь

угадать, когда именно он разразится»³.

Наконец, вспомним знаменитую речь Рональда Рейгана в британской палате общин в июне 1982 года, за три года до того, как в Советском Союзе пришел к власти Горбачёв. Вторя Кюстину, этот американский президент предсказал, что «успехи свободы и демократии... оставят марксизм-ленинизм на свалке истории, как это произошло с другими тираниями, которые душили свободу и подавляли самовыражение людей». Его оптимизм был основан на анализе фундаментальных изъянов советской экономической системы, которые не позволяли, непрерывно наращивая военные расходы, одновременно обеспечить достойную жизнь рядовым советским гражданам. «Любопытно, что в каком-то смысле Маркс оказался прав, — говорил Рейган. — Сегодня мы являемся свидетелями великого революционного кризиса, в котором требования экономического порядка вступают в прямой конфликт с интересами политического порядка. Только этот кризис разворачивается не на свободном, немарксистском Западе, а в самой цитадели марксизма-ленинизма — в Советском Союзе».

Неумолимые силы истории или «великие люди»?

Я должен был прибыть в Москву летом 1988 года в качестве корреспондента «Вашингтон пост», но перед этим я решил объехать несколько советских «сателлитов», чтобы лучше разобраться в характере советского имперского бремени. Конечно, я и не думал, что система развалится так быстро, но деформации и противоречия уже были хорошо заметны, и я писал об этом в своих репортажах. Например, в Никарагуа я столкнулся с сотрудником КГБ, который находился там под видом корреспондента ТАСС. Он не скрывал своего раздражения в адрес левого правительства сандинистов, которое удерживало власть благодаря советской экономической помощи.

Ему не нравилось, что Кремль отправляет в Никарагуа тысячи советских тракторов и «жигулей», в то время как отечественная экономика испытывает серьезные трудности. Дикая система ценообразования и субсидирования привела к тому, что никарагуанцы могли купить галлон бензина, поставляемого из СССР — в пересчете на американские деньги, — за три цента США. «Все это странно, — говорил мне мой знакомый из КГБ, качая головой, — мы сами не понимаем, что здесь творится».

В Чехословакии я побывал у драматурга Вацлава Гавела, в то время одинокого диссидента, подвергавшегося преследованиям со стороны службы государственной безопасности. Он тоже чувствовал, что исторические силы пришли в движение. «Такое положение не может сохраняться вечно, — сказал он мне в ходе интервью в своем доме в Чехии. — Что-то здесь должно измениться. Никто не знает, когда и как произойдет это изменение, но оно произойдет. Слишком велик разрыв между официальной идеологией и умонастроением общества». Польский диссидент Адам Михник, когда я интервьюировал его в Варшаве, больше говорил об экономической стороне дела — о том, как абсурдна экономика советского коммунизма. «Русская земля смогла поддерживать коммунистов в течение пятидесяти лет. Но ее терпение подошло к концу», — сказал он. Мы обсуждали аварию Чернобыльской АЭС, и Михник добавил: «Польская забастовка в августе 1980 года была организована людьми, поляками. В Советском Союзе на наших глазах начинают бастовать неодушевленные объекты».

После этой поездки у меня практически не осталось сомнений. «Правительства стран Восточной Европы находятся в потенциально взрывоопасной ситуации, — написал я в одном из своих материалов в 1988 году. — Уровень жизни за последние два десятилетия резко вырос, а вместе с ним и стремление людей к более свободной и благополучной жизни. Но у

коммунистических режимов сокращаются ресурсы, и они не могут удовлетворить запросы собственных граждан. Те самые факторы, которые позволили коммунистическим лидерам откладывать реформы на протяжении жизни целого поколения, привели к тому, что сегодня реформа — это единственный выход из экономического тупика. Западные кредиты трансформировались в долги. Сырья и рабочей силы не хватает во всех странах советского блока, отчего экстенсивное развитие становится невозможным. Сама природа начинает восставать против своих расхитителей».

Конечно, все это не было новостью для Горбачёва и других советских руководителей, которых неумолимые силы истории уже подталкивали к проведению радикальных экономических реформ. Горбачёву и его соратникам абсурдность всей конструкции была видна куда лучше, чем сторонним наблюдателям. Согласно стандартной теории марксизма-ленинизма, метрополия эксплуатирует колонии в своих интересах, используя их как источник дешевого сырья и рынок сбыта для некачественных промышленных товаров. В случае с СССР все было наоборот: Россия поставляла нефть по заведомо заниженным ценам в Эстонию, Польшу или на Кубу, а в обмен получала потребительские товары по завышенным ценам, да и то не всегда — в некоторых случаях оттуда в Россию не поступало вообще ничего. Грабительская система централизованного планирования эксплуатировала всех, но более всего — собственно россиян.

Я вспомнил предсказание Кюстина насчет «вавилонского столпотворения», когда присутствовал на Первом съезде народных депутатов, который был организован Горбачёвым, в мае 1989 года. Во всех одиннадцати часовых поясах Советского Союза жизнь замирала, когда депутаты, опережая друг друга, ломали многолетние запреты. Внезапно все стало предметом публичного обсуждения: война в Афганистане, распространение СПИДа, при-

вилегии коммунистической элиты и однопартийная система как таковая.

Крах советского коммунизма был неизбежен по причинам, о которых говорили Кюстин, Кеннан, Гавел, Михник, Рейган и многие другие. Но когда и как именно он произойдет — никто не мог знать заранее. И именно здесь «великие личности» сыграли свою роль, хотя часто результаты их действий решительно расходились с их намерениями.

Парадокс Горбачёва состоит в том, что его достижения полностью противоречили его первоначальной цели. Он хотел оживить советскую систему, вдохнуть в нее новую жизнь, подобно тому, как в свое время Франклин Рузвельт спас американский капитализм от Великой депрессии. Но Горбачёв с ужасом обнаружил, что, вопреки его замыслам, начатый им же процесс привел к разрушению системы, которую он хотел спасти. В ходе этого процесса он добился того, к чему никогда не стремился: мирного демонтажа самой могущественной из когда-либо существовавших тоталитарных империй. Прославленный мастер политической тактики, он совершил целую серию стратегических ошибок, которые приблизили конец «империи зла», — что бы ни предпринимал Рейган, ему бы не удалось сделать это так быстро и радикально. Первое и главное — это катастрофические экономические решения. Когда Горбачёв пришел к власти, дефицит государственного бюджета немного превышал 3 проц., а когда он уходил в отставку, дефицит составлял уже немыслимые 30 проц., а то и все пятьдесят. Его антиалкогольная кампания 1986—1987 годов практически уничтожила один из самых надежных источников государственных доходов. При этом Горбачёв усугублял эти ошибки, отказываясь от либерализации цен, что вело к хроническому дефициту потребительских товаров и нехватке производственных компонентов. Так начался один из самых катастрофиче-

ских экономических спадов, когда-либо имевших место в индустриальном обществе.

Самым большим достижением Горбачёва стало не то, что он сделал, а то, чему он позволил произойти, практически вопреки самому себе. При всей своей уклончивости и колебаниях, он оставался верен основополагающему принципу: насильственные методы были для него неприемлемы ни для удержания собственной власти, ни для сохранения Советского Союза. В 1989–1990 годы отдельные вспышки насилия имели место на окраинах империи, но в целом все прошло на удивление спокойно. Нетрудно представить себе, что Горбачёв или Ельцин или какой-либо другой российский лидер мог бы разыграть карту русского национализма, подобно Слободану Милошевичу, который во время распада Югославии превратился из коммуниста, возглавляющего федеративное государство, в националистического лидера, защищающего «Великую Сербию». Был момент, когда Советский Союз мог стать «Югославией с ядерным оружием». Менее гуманные политики могли бы сыграть на недовольстве русскоязычных меньшинств в странах Балтии, Украине и других частях советской империи, чтобы разжечь националистические страсти и таким образом удержаться у власти. Но Горбачёв, Ельцин и другие проявили разумную сдержанность, и этого кошмарного сценария удалось избежать.

С тех пор как я уехал из России, я все больше убеждаюсь в том, что конкретные личности могут играть важную роль в историческом процессе, даже когда они пытаются противостоять могучим историческим силам. Возьмем, например, президентские выборы в США в 1998 году. Если бы пара сотен жителей Флориды поставили в своих бюллетенях другие отметки, президентом Соединенных Штатов стал бы не Джордж Буш, а Альберт Гор. Президент Гор почти наверняка отдал бы приказ о вторжении в Афганистан в ответ на нападение террористов 11 сентября 2001 года, но я очень сомневаюсь, что он начал бы войну в Ираке. Не было бы предпринятого Бушем снижения налогов, которое привело к огромному бюджетному дефициту. Американская экономика все равно испытывала бы большие трудности, но все же мы были бы в значительно лучшей форме, чем сейчас. И история пошла бы по-иному.

В конце концов, я пришел к выводу, что мы оба были правы — и Дэвид Ремник, и я. На ход истории влияют не только непреодолимые политические, социальные и экономические силы — не в меньшей мере важны и людские поступки. Чтобы понять причины краха коммунизма и распада Советского Союза, нужны обе теории — и Льва Толстого, и Томаса Карлейля. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Токвиль А., *де*. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. С. 296.

² X. The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. 1974. July.

³ См.: Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия. / Перевод с французского / Предисловие Гарольда Дж. Ласки. М.: Терра, 1990. С. 167.